

## Лексикологія. Фразеологія

УДК 811.161.1'367.623'373.6

*Людмила Педченко*

### К этимологии слав. \*slěpъ: проблема семантической реконструкции

Настоящая статья посвящена наиболее актуальной проблеме современной этимологии – поиску глубинной семантической мотивировки языковых знаков. Автором предпринимается попытка семантического обоснования этимологии русского прилагательного **слепой** в контексте одного из основных архаических ритуалов – обряда инициации.

*Ключевые слова:* этимология, семантическая реконструкция, архаический ритуал.

За многие десятилетия своего существования этимология как научная дисциплина, сложившаяся в рамках сравнительно-исторического метода, достигла выдающихся результатов в области формы основного объекта своего исследования – слова. В процессе разработки и совершенствования приемов этимологического анализа можно выделить различные периоды, последовательность которых определяется сменой ориентиров в истории этимологии: первоначально – ориентация на фонетику, отдельные звуки и их соответствия в сопоставляемых словах; в дальнейшем – ориентация на более тонкую и сложную инфраструктуру, объединяющую различные языковые уровни, – на морфонологию и словообразование, с чем был связан переход от корневой этимологии к более точной «основной» [9:126]. В то же время содержательная сторона языковой единицы по объективным причинам играла вспомогательную роль. Закономерно при этом, что чем меньше оставалось претензий к формальной стороне исследовательской процедуры, тем больше становилось их по отношению к семантическим штудиям. Как отмечает В. И. Абаев, «Семантические аспекты этимологии весьма сложны

и с трудом поддаются регламентации. Никакого «закона», который можно было бы сопоставить со звуковым законом, в семантическом развитии слов установить не удастся. Здесь приходится опираться не на **необходимое**, а на **возможное** в рамках здравого смысла. Но «возможное» не имеет по сути дела никаких твердых границ...» [1:20]. При этом исследователь нередко сталкивается с проблемой, состоящей в невозможности интерпретации семантического развития слова в рамках «здравого смысла», в рамках семантических моделей и парадигм, характерных для современного языкового сознания. Ведь основной словарный фонд языка формировался в условиях архаичной культуры и отражает соответствующее мировосприятие и мироотношение. В. Н. Топоров совершенно справедливо замечает: «Историк культуры или семиотик [добавим – и этимолог – Л. П.], оценивая архаическую ситуацию, должны исходить не из того, как она видится сегодня или как она может быть увидена в призме некоей абстрактной вневременной модели, но из того, как ее видели участники *этой* ситуации, люди соответствующей архаичной культуры, критерии которых могли быть и действительно были совершенно иными» [10:10–11].

«Для архаического самосознания, – продолжает В. Н. Топоров, – высшим престижем обладает то, что сакрально, а сакрально то, что «космологично», что находится в **начале** творения и что может и должно воспроизводиться ежегодно в основном **ритуале** данной традиции» [10:11]. Ритуал – это возникающая в процессе эволюции упорядоченная совокупность определенных действий, которая становится средством общения между особями одного вида. Как показывают исследования этнологов, все человеческие ритуалы возникли естественным путем, в значительной степени аналогичным эволюции социальных инстинктов у животных и у человека [5:100]. Ритуал составляет центр жизни и деятельности в архаичных культурах. Здесь он главное и определяющее, а не периферийное и зависимое [11:22]. Многие лингвисты (М. М. Маковский, Ю. В. Монич и др.) утверждают, что языковые явления изначально развивались в русле ритуала. По мнению В. Н. Топорова, «можно с достаточным вероятием говорить о **ритуальном происхождении языка**, имея при этом в виду, что именно ритуал был тем локусом, где происходило становление языка как некоей знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого и означающего, выраженная в звуках [...]. Многое, видимо, свидетельствует о том, что ритуал [...] древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его» [11:21]. Поэтому поиск новых этимологических решений, поиск семантической мотивировки языкового обозначения, поиск более глубоких смыслов, вплоть до «крайних», в чем В. Н. Топоров видит конечную цель современного этапа в разви-

тии этимологии [8:127], во многих случаях должен осуществляться с учетом семантики ритуализованных действий.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать на примере русского прилагательного *слепой* возможность семантического обоснования этимологии лексемы в контексте одного из основных архаических ритуалов – обряда инициации.

По свидетельству М. Фасмера, слово *слепой* исконнославянского происхождения и представлено во всех славянских языках: укр. *сліпий*, блр. *слепы*, др.-русск., ст.-слав., болг. *сляп*, сербохорв. *slījen*, *slījena*, словен. *slēp*, чеш. *slěp*, словц. *slěpy*, польск. *ślepy*, в.-луж. *slěpy*, н.-луж. *slěpy*, – однако достоверной этимологии не имеет [12: III, 669].

Наиболее удачную попытку установить происхождение слав. *\*slěpъ* предпринял В. Н. Топоров. Он в частности пишет: «Направление интерпретации с нашей точки зрения определяется прежде всего семантическими ограничениями, имеющими место в отношении слов со значением ‘слепой’. Как известно, чаще всего слепота характеризуется по принципу ‘мутный, грязный, смешанный’ и т. д. Наше предложение сводится к тому, чтобы проверить установленные праславянские формы [*\*sloip-*: *\*slip-*] в сравнении с индоевропейским корнем *\*leip-*, значения которого в словаре А. Вальде и Ю. Покорного определяются как ‘обмазывать, пачкать, клейкая масса, клеить, липнуть, прилипнуть’» [9:14].

Корень *\*leip-*: *\*lip-* со значением ‘мазать’ лучше всего сохранился именно в славянских и балтийских языках, а также в древнеиндийском и древнегреческом. Дальнейшее семантическое развитие слов с этим корнем шло в двух основных направлениях. С одной стороны, у них появились значения ‘ясный, светлый, прозрачный, красивый, хороший’, сравним слав. *\*lěpъ* (русское *лепый* (красивый) с семантической параллелью ‘смазливый’ – ‘мазать’), ряд балтийских слов со значением ‘светлый, блестящий’ и т. д. С другой стороны, существуют не менее многочисленные случаи, когда развитие значений в корне *\*leip-* принимало отрицательную окраску: др.-инд. *lepas* ‘грязь’, лат. *lippus* ‘имеющий воспаленные глаза, подслеповатый’, *lippitudo* ‘воспаление глаз, загноение глаз’. «Разумеется, – пишет В. Н. Топоров, – можно спорить о том, какое значение слова *slěpъ* было первоначальным (‘грязный’, ‘мутный’, ‘замазанный’, ‘слипшийся’ (ср. *слипаться* (о глазах)) и т. д.), но сейчас приходится считаться с реальными возможностями и отказываться от дальнейших уточнений, ограничившись констатацией связи между и.-евр. *\*leip-* (*\*loip-*) и слав. *slěpъ*» [9:15].

Как известно, в языковом сознании говорящих слова не существуют изолированно: «они беспрестанно объединяются различными способами в этимологические группировки, более или менее различающиеся между собой по своему объему и отчетливости связей» [3:260].

Еще А. А. Потебня писал, что «собственный смысл слова поддерживается в памяти народной сопоставлением этого слова с другими, имеющими сходное с ним основное [т. е. этимологическое – Л. П.] значение» [6:5]. В этой связи показательно, что в приводимых А. А. Потебней сербских пословицах сталкиваются и обыгрываются лексемы *леп* и *слеп*: «*Лијепа, али слијепа*»; «*с поља лијеп, а изнутра слијеп*»; «*не плаче слијеп, што није лијеп, већ што не види бијели свијет*» [6:163].

Какое же из приводимых В. Н. Топоровым значений прилагательного *слѣпъ* следует признать первоначальным? Для того чтобы выявить глубинную семантическую мотивацию данной лексемы, попытаемся реконструировать характер восприятия слепоты в рамках архаической традиции.

Слепота, по мнению Г. Бидерманна – с одной стороны символ незнания и «ослепления», с другой – беспристрастности и подчинения судьбе и, кроме того, презрения к внешнему миру при наличии «внутреннего света». По этой причине прорицатели (Тиресий) и одаренный поэт (Гомер) изображались в Древней Греции слепыми, причем часто упоминается, что слепые подсмотрели у богов сокрытые тайны [2:248].

В этой связи, несомненно, интересным представляется зафиксированное во «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» устойчивое выражение: «*Глаза смотрят внутрь*. Слепой. – *Женщины не заметили, что у него глаза смотрели внутрь*. – *У нашего соседа глаза смотрели внутрь* (Ольхон. Иркут., 1972)» [13:42]. Это выражение, на наш взгляд, отражает представление о слепоте не как о полном отсутствии зрения, а как о зрении, направленном «в иную сторону», «в иной мир». Подобное восприятие слепоты характерно для фольклорно-мифологического мышления. В. Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки», исследуя слепоту яги, отмечает: «Под «слепотой» понимается не просто отсутствие зрения... Слеп человек не сам по себе, а по отношению к чему-нибудь» [7:72]. Яга, согласно В. Я. Проппу, не является абсолютно слепой: как представитель мира мертвых, она слепа по отношению к миру живых. «Живые не видят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых» [7:74]. Особым даром наделены лишь шаманы, видящие мертвых, которых обыкновенные смертные не видят. Вероятно, поэтому пророки и провидцы, праотцы, вещие поэты часто представляются слепыми (то есть видящими иной мир). Подобный взгляд на слепоту демонстрирует и приводимая В. И. Далем пословица: «Слепой духом Бога видит» [4: IV, 228].

Таким образом, слепота оказывается средством особого «видения», знания, недоступного людям, имеющим нормальное зрение, являясь знаком причастности к иному миру. Такое представление о слепоте легло в основу семантики ритуала символического ослепления – одного

из фрагментов обряда инициации, игравшего чрезвычайно важную роль в жизни первобытного общества.

Приводимые В. Я. Проппом описания обрядов инициации (посвящения) показывают, что слепота в них представлялась (имитировалась) замазыванием глаз. «Посвящаемый уводился в лес, вводился в избушку, предстал перед чудовищным существом, властителем смерти и властителем над царством животных. [...] Мы знаем, что он подвергнулся символическому ослеплению именно в тех формах, в каких в сказках ослепляется яга и Полифем: ему **залепляли** [выделено нами – Л. П.] глаза. Фробениус описывает это следующим образом: «неофит с завязанными глазами вводится в избушку. В яме замешивают густую кашу, род раствора. Кто-нибудь из уже посвященных схватывает неофита и втирает ему эту массу, к которой примешан перец, в глаза. ...». Это далеко не единичный случай. Неверманн сообщает из Океании: «После нескольких дней отдыха неофиты покрываются известковой кашей, так что они выглядят совершенно белыми и не могут раскрыть глаз». Смысл этих действий становится ясным из смысла всего обряда. Белый цвет есть цвет смерти и невидимости. Временная слепота также есть знак ухода в область смерти. После этого происходит обмывание извести и вместе с тем прозрение – символ приобретения нового зрения, так же как посвящаемый приобретает новое имя. [...] Наряду с отвержением уст мы здесь имеем отвержение глаз» [7:74].

Приведенное описание ритуализованного действия – замазывания глаз, связанного с обрядом символического ослепления как одной из форм инициации, на наш взгляд, подтверждает наличие этимологической связи между и.-евр. *\*leip-* (*\*loip-*) и слав. *slěpъ* и позволяет предположить, что современное значение прилагательного *слепой* – ‘лишенный зрения’ – восходит к значению ‘замазанный, залепленный’. Если принять во внимание чрезвычайную значимость ритуального поведения для человека архаической культуры, то подобный семантический переход, мотивированный ритуалом инициации, представляется весьма вероятным.

### Литература

1. Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология. 1984. — М. : Наука, 1986. — С. 7—27.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. — М. : Республика, 1996.
3. Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. — М. : Прогресс, 1964. — 350 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Русский язык, 1989 — 1991.

5. Мониц Ю. В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий / Вопросы языкознания. — 1998. — № 1. — С. 97—120.
6. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. — М. : Лабиринт, 2000. — 479 с.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 365 с.
8. Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии V. (1) // Этимология 1991 — 1993. — М. : Наука, 1994. — С. 126—154.
9. Топоров В. Н. Из праславянской этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. — Вып. 1. — С. 5—15.
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / Исследования в области мифопоэтического. — М., 1995. — 624 с.
11. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаичный ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М., 1988. — С. 7—60.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. — М. : Прогресс, 1987.
13. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. — Новосибирск, Наука, 1983. — 232 с.

**Педченко Л. В.**

**До етимології слів. \**slěpъ*: проблема семантичної реконструкції**

Стаття присвячена найбільш актуальній проблемі сучасної етимології – пошуку глибинного семантичного мотивування мовних знаків. Автором робиться спроба семантичного обґрунтування етимології російського прикметника **слѣпий** в контексті одного з основних архаїчних ритуалів – обряду ініціації.

*Ключові слова: етимологія, семантична реконструкція, архаїчний ритуал.*

**Pedchenko L. V.**

**To the etymology of slav. \**slěpъ*: the problem of the semantic analysis**

The article is dedicated to the most actual problem of the modern etymology – the quest for the original semantic motivation of language signs. The writer undertakes attempt of the semantic substantiation of the etymology of Russian adjective **blind** in a context of one of the basic archaic rituals – the rite of an initiation.

*Key words: etymology, semantic analysis, archaic ritual.*